

***РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА  
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ***

УДК 821.161.1“18”

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.05

**НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ  
И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА  
В ДРАМАТУРГИИ И. С. ТУРГЕНЕВА**

**FOLK PROVERBS, SAYINGS  
AND SOME OTHER GENRES OF FOLKLORE  
IN I. S. TURGENEV'S DRAMATURGY**

**Сейран Акопович Джанумов**  
**Московский городской педагогический университет,**  
**Москва, Россия**

**Seyran Akopovich Dzhanumov**  
**Moscow City University,**  
**Moscow, Russia**

**Аннотация**

Цель статьи — выявление роли и значения народных пословиц и поговорок, а также некоторых других жанров русского фольклора (песен, быличек) в драматургии И. С. Тургенева, т. е. там, где ранее эта проблема не привлекала внимания исследователей.

Из всего проанализированного материала можно сделать вывод, что пословицы и поговорки (реже — песни и былички) являются элементами стиля драматургии Тургенева. Принципы использования фольклора в различных пьесах Тургенева не одинаковы. Иногда пословицы и поговорки привлекаются для характеристики ситуации, воссоздания местного колорита, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его речи. Порой автор пьес стремится расцветить реплики персонажей, обильно используя малые жанры фольклора, а иногда народные песни и былички. В некоторых комедиях пословицы и поговорки оттеняют и усиливают основную мысль произведения, естественно и ненавязчиво вплетаются в речь персонажей.

**Ключевые слова:** драматургия И. С. Тургенева, пословицы и поговорки, песни и былички, стиль, принципы использования фольклора.

### Abstract

The purpose of the article is to reveal the role and significance of folk proverbs and sayings, as well as of some other genres of Russian folklore (songs, memorates) in I. S. Turgenev's dramaturgy, that is, where earlier this problem did not attract the attention of researchers.

Quite a lot of proverbs and sayings in one of Turgenev's most famous plays — a comedy in five acts *A Month in the Village* (1850), where action takes place in a noble manor. And although in the center of the dramatic conflict of the play is a commoner, a student Belyaev (it is worth mentioning that this play was originally called *Student*), but there are no proverbs and sayings in any of his cues. But other characters in the play quite often use them in their speech. It is, first of all, Rakitin, who loves his friend's wife, Natalya Petrovna, a wife of a wealthy landlord Islaev. In every action of comedy *A Month in the country* in the cues of certain characters the author aptly uses folk proverbs and sayings. And not only proverbs and sayings, but also folk songs.

Summing up the works reviewed in our article, we can conclude that proverbs and sayings (less often — songs and memorates) are elements of Turgenev's dramatic style. The principles of using folklore in various Turgenev's plays are not the same. Sometimes proverbs and sayings are used to describe the situation, recreate the local colour, to reveal the personality and psychology of a particular character, especially the characteristics of his (her) speech. Sometimes the author of the plays tends to embellish the replicas of the characters, using abundantly the small genres of folklore, and sometimes folk songs and memorates. In some comedies proverbs and sayings emphasize and reinforce the basic idea of the work, are naturally and unobtrusively intertwined in the speech of the characters.

In his dramaturgy Turgenev transforms in his own way, and sometimes reinterprets traditional folklore images and motifs, often paraphrases folk proverbs and sayings in accordance with the ideological conception of the work and its poetics. From the treasury of the people's speech Turgenev chooses words and expressions, phraseological phrases rich in semantic nuances, folklore comparisons that give the characters' cues a special mettle, brilliance and expressiveness. The creative development and use of different genres of Russian folklore in Turgenev's plays testifies to the excellent knowledge of the traditions of oral folklore by the author, and, possibly, the folklore collections of his and the previous time, which was even more evident in the *Notes of the Hunter*.

**Key words:** I. S. Turgenev's dramaturgy, proverbs and sayings, songs and memorates, style, the principles of using folklore, characteristics of speech.

**Введение.** Цель статьи — выявление роли и значения народных пословиц и поговорок, а также некоторых других жанров русского фольк-

лора (песен, быличек) в драматургии И. С. Тургенева, т. е. там, где ранее эта проблема не привлекала внимания исследователей. Тема «И. С. Тургенев и фольклор» не новая в литературоведении и фольклористике, хотя, на наш взгляд, все еще недостаточно полно и всесторонне исследованная. После статей М. К. Азадовского [Азадовский: 395–437], Ф. Я. Приймы [Прийма: 366–383] новых и заметных работ по указанной выше проблеме не появлялось. Правда, в 2001 г. в Иванове была защищена кандидатская диссертация В. В. Ильиной «Принципы фольклоризма в поэтике И. С. Тургенева», но там речь идет больше о таких вопросах, как «Хронотоп русской культуры в “Записках охотника” И. С. Тургенева», «Становление “русской формы” рассказа в русской литературе XIX века», «Проблема становления жанра социально-универсального романа в творчестве И. С. Тургенева. “Дым” как роман-испытание», «“Таинственные повести”»: проблема реализации архетипа в структуре фантастического — интерес к мифологической прозе» (мы воспроизводим формулировки названий глав и отдельных параграфов указанной диссертации), т. е., по существу, о вопросах, опосредованно связанных с фольклоризмом писателя.

Ставя перед собой цель — «<...> показать, как менялась жанровая система И. С. Тургенева в результате творческой эволюции и “опозиционного” отношения к фольклору, как в результате такого спора-диалога шло формирование его эстетического идеала», автор диссертации во введении полемизирует с известным фольклористом Н. И. Савушкиной: «Так, например, Н. И. Савушкиной принадлежит подробное описание форм так называемого “открытого” фольклоризма: стилизация, прямое цитирование, использование сюжетов и образов фольклора. Однако в ходе острых дискуссий о роли и значении фольклора в развитии литературы сами авторы понимают необходимость углубления понятия фольклоризма» [Ильина: 1], — и вслед за А. А. Гореловым считает, что выявление «цитат», «стилизиций» отходит в прошлое [Ильина: 2].

Но нам представляется, что, прежде чем перейти «<...> к углубленному исследованию сложных видов взаимосвязи фольклора и литературы <...>» [Ильина: 2–3], необходимо все-таки накопить конкретный и ранее не изученный материал в области т. н. «открытого» фольклоризма: прямого цитирования, раскрытия художественных функций тех или иных жанров фольклора в творчестве писателя. А потом уже переходить к «<...> анализу сознательного и бессознательного использования писателем фольклорной поэтики, вплоть до самых незаметных и опосредованных форм» [Ильина: 3].

**Методология.** Проблема творческих взаимосвязей литературы и фольклора стала объектом специального научного рассмотрения во многих мо-

нографиях и статьях, учебных пособий. У истоков изучения данной проблемы стоял М. К. Азадовский. Уже в своей ранней книге «Литература и фольклор. Очерки и этюды» (Л., 1938) он указывал, что ряд важнейших историко-литературных проблем не может быть разрешен без обращения к фольклорному материалу. В книге М. К. Азадовского «Статьи о литературе и фольклоре», вышедшей в свет в 1960 г., уже после смерти ученого, проблеме фольклоризма русских писателей был посвящен целый ряд статей.

Особенно большой вклад в разработку интересующей нас проблемы за последние полвека внесло четырехтомное фундаментальное исследование Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, в котором эти взаимоотношения прослеживаются на протяжении XI–XIX вв.: «Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.)» (Л., 1970), «Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.)» (Л., 1976), «Русская литература и фольклор (вторая половина XIX в.)» (Л., 1982), «Русская литература и фольклор (конец XIX в.)» (Л., 1987). В этих четырех сборниках удачно синтезированы историко-литературный и фольклористический аспекты изучения проблемы, показано многообразие форм использования народнопоэтических традиций в творчестве отдельных писателей, раскрыты роль и значение фольклора в становлении и развитии русской литературы. Именно работы М. К. Азадовского, а также авторов указанного четырехтомного исследования определили теоретические основы данной статьи.

**Основная часть.** Иногда пословица (как это потом будет не раз в творчестве А. Н. Островского) вынесена в заглавие пьесы Тургенева. Например, комедия в одном действии, написанная в 1847 г. и впервые опубликованная в № 11 журнала «Современник» за 1848 г., названа в форме пословицы: «Где тонко, там и рвется» [Тургенев 1979а: 73] (ср. у И. М. Снегирева: «Где тонко, там и рвется, а где худо, тут и порется» [Снегирев: 80]). И затем данная пословица еще раз прозвучит в концовке этой комедии в реплике одного из ее персонажей — Мухина — в качестве назидательной моральной сентенции, своеобразного нравоучения, заимствованного из народной мудрости: «М у х и н (*становясь на место т-lle Bienaïme, на ухо Горскому*). Хорошо, брат, хорошо: не робеешь... а сознайся, где тонко, там и рвется» [Тургенев 1979а: 112].

Пословичное название комедии Тургенева всячески обыгрывалось в театральной и литературной критике, где наряду с положительной оценкой пьесы и признанием драматургического таланта ее автора иногда звучали и критические высказывания. Так, петербургский комический актер, водевилист и мемуарист П. А. Каратыгин свои впечатления от пьесы Тургенева отразил в довольно язвительной эпиграмме:

Тургенев хоть у нас и славу заслужил,  
 На сцене же ему не слишком удается!  
 В комедии своей он так перетончил,  
 Что скажешь нехотя: где тонко, там и рвется  
 [цит. по: Тургенев 1979а: 579].

А Аполлон Григорьев в статье «И. С. Тургенев и его деятельность» (впервые: «Русское слово», 1859, № 5, отд. «Критика». С. 23–25) неудачу самой пьесы и ее постановки на петербургской и московской сценах объяснял подражанием автора комедии т. н. «драматическим пословицам» Альфреда де Мюссе: «Авторы всех подобных произведений стремились к *тонкости* (здесь и ниже курсив А. Григорьева. — С. Д.). Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландского белья, и т. д. — *тонкость*, одним словом, и притом такая, что стан, того и гляди, напомнит жердочку в народной песне: “Тонка-тонка — гнется, боюсь — переломится”» [Цит. по: Тургенев 1979а: 580].

Размышляя об идейно-художественной функции пословицы «Где тонко, там и рвется» в пьесе Тургенева, Л. М. Лотман раскрывает причины ее использования: «Пословица, которой озаглавлена комедия, содержит, помимо своего прямого смысла — иронии, направленной на преувеличение значения утонченной, элитарной культуры, дополнительный смысл насмешки над самой формой пьесы-пословицы, которая разрушается при вторжении самой небольшой дозы подлинного, жизненного драматизма» [Лотман: 503].

Пословицы и поговорки иногда звучат в этой комедии Тургенева и в репликах других персонажей: Евгения Андреевича Горского, влюбленного в Веру Николаевну, 19-летнюю дочь помещицы Либановой, но так и не решившегося сделать этой девушке предложение (неслучайно Горский сравнивает себя с героем «Женитьбы» Н. В. Гоголя — Подколесиным): «Жениться? Нет, я не женюсь, что там не говорите, особенно так, *из-под ножа* (здесь и ниже курсив наш. — С. Д.). <...> Может быть, мне же лучше будет, если она выйдет замуж за... (Горский не договаривает, за кого, но мы догадываемся, что он имеет в виду Владимира Станицына, что и происходит в финале пьесы. — С. Д.). Ну, нет, это пустяки... Мне тогда *не видать ее, как своих ушей...*» [Тургенев 1979а: 96].

В конце пьесы Вера говорит про своего жениха Станицына, подчеркивая его простодушие и открытость: «У него что на сердце, то и на языке» [Тургенев 1979а: 109] (перефразируя пословицу: «Что на уме, то и на языке» [Снегирев: 284]).

В главе VIII «Роль фольклора в развитии русской драмы» коллективной монографии «Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.)» Л. В. Черных замечает по поводу рассматриваемой комедии: «Пословица

в заглавии пьесы также подчинена характеристике героя — “тонкого человека”. Получив “щелчок” от девушки, с которой он намеревался вести “тонкую” игру, Горский старается утешиться мефистофельской ролью, испытывает эту роль на своем сопернике (Владимире Станицыне. — *С. Д.*)» [Черных: 441].

Немало пословиц и поговорок содержится и в других пьесах Тургенева. Так, в одноактной комедии «Неосторожность» (1843), несмотря на ее испанский колорит (в первоначальной, но затем исключенной при подготовке пьесы к печати ремарке было: «Действие происходит в Испании, в XVIII веке»), лишь раз встречается русская пословица. Один из персонажей пьесы, Дон Пабло, тайно влюбленный в жену своего друга донью Долорес, упрекая ее мужа дона Бальтазара в трусости, перефразирует известную пословицу: «Чужими руками жар загребать так покойно, так удобно! а? дружище?» [Тургенев 1979а: 35] (ср. у В. И. Даля: «Легко чужими руками жар загребать» [Пословицы: 610]).

Появление русской пословицы в пьесе из испанской жизни неслучайно. Л. М. Лотман так объясняет связь этого «драматического очерка» Тургенева с натуральной школой: «Несмотря на то, что Тургенев изображает Испанию и нравы его героев не похожи на нравы современных русских людей, изучение и изображение которых натуральная школа считала своей главной задачей, пьеса Тургенева связана с этим литературным течением» [Лотман: 487].

Нам представляется, что введение народной пословицы в одну из реплик испанского дворянина дона Пабло способствует не только раскрытию лицемерного поведения этого персонажа, но и психологии ревнивого и трусливого мужа доньи Долорес, вольно или невольно ставшей жертвой прихотей и эгоистических интересов волокиты дона Рафаэля и всех остальных «влюбленных» в нее героев пьесы, для которых донья Долорес — только объект удовлетворения их низменных страстей.

Еще одна русская пословица встречается в небольшой пьесе Тургенева «Безденежье» с подзаголовком: «Сцены из петербургской жизни молодого дворянина» (1845), местами напоминающей гоголевского «Ревизора», особенно при изображении ее главного героя Тимофея Жизикова, которого осаждают кредиторы: русский купец, немец-сапожник, француз-художник и др. Так же, как и у Хлестакова, в Тимофее Жизикове обнаруживается смесь отчаяния от отсутствия денег и бахвальства, презрения ко всем тем, которым он сильно задолжал. Откровенная неприязнь Жизикова ко всему отечественному, в том числе и к русским мебельщикам, особенно сильно проявляется в следующей реплике: «Вперед буду все мёбели (даже в произношении этого слова на французский манер видна претензия Жизикова на светскость и образованность. — *С. Д.*) брать у Гамбса. Терпеть не могу русской работы. Уж эти мне козлиные бороды! Дешево

да гнило» [Тургенев 1979а: 54] (ср. у И. М. Снегирева: «Дешево да гнило, дорого да мило» [Снегирев: 92]). Одна первая часть данной пословицы вкупе со всеми остальными презрительными репликами этого персонажа прекрасно характеризует амбициозность, спесь промотавшегося дворянского щеголя и вертопраха.

Следующая пьеса Тургенева, где пословица встречается только один раз, это комедия «Нахлебник» (1848) (впервые опубликовано под заглавием «Чужой хлеб»: Современник, 1857. С. 81–133). Это первоначальное название пьесы могло быть навеяно фрагментом из «Пиковой Дамы» А. С. Пушкина: «Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца...» [Пушкин: 233]. Но, возможно, это первоначальное название пьесы восходит к народным пословицам: «Чужой хлеб петухом в горле запоет (поет)» [Снегирев: 287]; «Чужой хлеб горек. Чужим кусом подавишься», «Чужой хлеб рот дерет. Чужой кус в рот нейдет» [Пословицы: 616]).

В первом действии пьесы главный персонаж Василий Семенович Кузовкин (обозначенный в списке действующих лиц как «дворянин, проживающий на хлебах у Елецких»), беззащитное и униженное существо, играющее роль шута среди соседских помещиков, невольно проговаривается, заявляет о своих отцовских правах на Ольгу Петровну Елецкую, выдает ее тайну рождения. Но, осознав, что он наделал, и боясь причинить вред своей незаконной дочери, во втором действии пьесы, оставшись один, с испугом произносит пословицу: «Язык мой — враг мой» [Тургенев 1979а: 166] (ср. у И. М. Снегирева: «Язык враг, прежде ума глаголет»; «Язык лепечет, а голова не ведает»; «Язык наш враг наш» [Снегирев: 294], у В. И. Даля: «Язык болтает, а голова не знает»; «Язык наперед ума рышет» [Пословицы: 410]).

В комедии Тургенева «Холостяк» (1849) пословицами и поговорками пересыпана живая и образная речь ее главного героя — мелкого петербургского чиновника, коллежского ассессора Михайлы Ивановича Мошкина, который в перечне действующих лиц охарактеризован автором как «живой, хлопотливый, добродушный старик», хотя прямо перед этой фразой указан его не такой уж преклонный возраст: «50 лет» [Тургенев 1979а: 174]. Рассказывая историю «простой русской девушки» Марьи Васильевны Беловой, сироты, проживающей у Мошкина, Михайло Иванович как бы невзначай упоминает, что у тетки Маши — Екатерины Савишны Пряжкиной «гроша нет за душой медного» [Тургенев 1979а: 181] (ср. у В. И. Даля: «Гроша нет за душой...», «Ни ломаного гроша. Ни слепой полушки» [Пословицы: 89]). Он же при внезапном появлении Маши произносит поговорку: «А! легка на помине!..» [Тургенев 1979а: 183].

Когда Мошкину кажется, что жених Маши Петр Ильич Вилицкий (охарактеризованный в списке действующих лиц как «нерешительный,

слабый, самолюбивый человек») в какой-то момент раздумал жениться на сироте, но потом одумался, решился (как мы узнаем из дальнейшего хода пьесы, предполагаемая свадьба расчетливого Вилицкого с Машей все-таки не состоится), Михайло Иванович к месту вспоминает народную пословицу (правда, произносит ее в усеченной форме): «Ну, конечно, Петруша, конечно... Кто прошлое помянет, тому, ты знаешь...» [Тургенев 1979а: 220] (Мошкин не договаривает вторую половину пословицы, которая хорошо известна и так: «...тому глаз вон») (ср. у И. М. Снегирева: «Кто старое помянет, тому глаз вон» [Снегирев: 146]).

В том же диалоге с Вилицким Мошкин в качестве своеобразного морального наставления использует еще одну пословицу: «Ведь век вместе прожить — не поле перейти» [Тургенев 1979а: 221] (ср. у И. М. Снегирева: «Век прожить, не поле перейти» [Снегирев: 76]. Кстати, в сборнике Снегирева приводится и много других вариантов второй половины, продолжения этой пословицы: «не море переплыть, не торбу шить, не лапоть сплести, не рукой махнуть» [Снегирев: 492]).

Особенно много пословиц и поговорок встречается в речи персонажей «Холостяка» в третьем действии комедии. Так, Филипп Егорович Шпундик (которого автор пьесы в перечне действующих лиц представляет следующим образом: «помещик, 45 лет. С претензией на образованность» [Тургенев 1979а: 174]) настороженно и с опаской отзывается о петербургских нравах и людях, употребляя расхожую поговорку: «<...> а только с вами держи ухо востро <...>» [Тургенев 1979а: 225].

Другой персонаж комедии, тетка Маши — Пряжкина — почти в каждой реплике украшает свою речь образными выражениями, пословицами и поговорками, причем всегда приводит их к месту, в соответствии с определенной ситуацией: «А я всегда говорила: не быть в этой свадьбе проку, ох, не быть проку, ох, не быть...»; «а свои вот в грош меня теперь не ставят» [Тургенев 1979а: 232]; «Денег у них (в семье ее покойной дочери. — С. Д.) не было: конечно, это неприятно; но бедность не порок» [Тургенев 1979а: 233] (ср. у И. М. Снегирева: «Бедность не грех, а приводит в посмех», «Бедность не порок» [Снегирев: 57]); «На грех мастера нет, батюшка Филипп Егорыч... <...> У меня в предмете был человек, то есть я вам скажу, просто первый сорт — что в рот, то спасибо <...> Да что! Теперь всё это в воду кануло» [Тургенев 1979а: 235] (ср. у И. М. Снегирева: «На грех мастера нет»; «Что в рот, то спасибо» [Снегирев: 170; 283]; у М. И. Михельсона: «(словно) в воду кануть (бесследно исчезнуть)» [Михельсон: 145].

Не уступает Пряжкиной в народном красноречии и Мошкин: «Эх, Катерина Савишна! Надоели вы мне пуше горькой редьки» [Тургенев 1979а: 237]; «<...> а у меня голова кругом идет» [Тургенев 1979а: 238]; «И как это я, право, вдруг так, с бухта-баракты» [Тургенев 1979а: 242]; «Или нет! Нет! Как бы не взглянуть...» [Тургенев 1979а: 252].



Даже обычно немногословная Маша нет-нет да и вспомнит к месту ту или иную пословицу и поговорку: «Все скажут: <...> Она ведь воспитанница, приемыш: даром хлеб ест <...> Даровой хлеб, знать вкусен» [Тургенев 1979а: 245] (ср. у В. И. Даля: «Свой хлеб приедчив. Чужой ломоть лаком»; «Даровое лычко краше купленного ремешка» [Пословицы: 614]); «У меня голова кругом идет» [Тургенев 1979а: 249].

В комедии «Завтрак у предводителя» (1849), в центре которой спор между помещиками о размежевании угодий, пословиц и поговорок почти нет, но есть фразеологические сращения, созданные автором пьесы по образцу малых жанров фольклора («Трава везде расти может») [Тургенев 1979а: 277], а также очень популярный и часто встречающийся просторечный фразеологизм. Один из персонажей комедии — отставной поручик Алупкин, когда упрямство бестолковой помещицы Кауровой не позволяет так или иначе разрешить конфликт, иронически подытоживает: «Как говорится, ни тпру ни ну!» [Тургенев 1979а: 277] (ср. у М. И. Михельсона: «Ни тпру, ни ну (иноск.) ни так, ни этак — ничего не действует, — ни с места» [Михельсон: 699]; у И. М. Снегирева: «Ни шатко, ни валко, ни на сторону» [Снегирев: 199]).

Довольно много пословиц и поговорок в одной из самых известных пьес Тургенева — комедии в пяти актах «Месяц в деревне» (1850), действие которой происходит в дворянской усадьбе. И хотя в центре драматического конфликта пьесы поставлен разночинец, студент Беляев (показательно, что эта пьеса Тургенева первоначально называлась «Студент»), но ни в одной из его реплик пословицы и поговорки не встречаются. Зато другие персонажи пьесы довольно часто используют их в своей речи. Это прежде всего Ракитин, влюбленный в жену своего друга, богатого помещика Ислаева — Наталью Петровну. Уже в первом действии комедии Ракитин в диалоге с Натальей Петровной перефразирует часто употребляющуюся пословицу: «Чужая душа — темный лес» [Тургенев 1979а: 293] (ср. у В. И. Даля: «Чужая душа — загадка. Чужая душа — потемки»; «В чужую душу не залезешь. Чужая душа — дремучий бор» [Пословицы: 616]).

Далее в том же диалоге из уст Ракитина невольно вырывается еще одна поговорка, обращенная к Наталье Петровне, которая флиртует с ним, то приближая, то отдаляя его от себя: «Р а к и т и н. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью... Но мышь не жалуется. Н а т а л ь я П е т р о в н а. О, бедный мышонок!» [Тургенев 1979а: 293–294] (ср. у М. И. Михельсона: «Играть, как кошка с мышью» [Михельсон: 358]). Впоследствии в повести «Первая любовь» (1860) Тургенев еще раз использует эту полюбившуюся ему поговорку, воссоздавая психологию и взаимоотношения центральных персонажей — Володи и Зинаиды, очень напоминающие поведение Натальи Петровны с Ракитиным: «А Зинаида играла со мной, как кошка с мышью. Она то кокетничала со мной — и я волно-

вался и таял, то она вдруг меня отталкивала — и я не смел приблизиться к ней, не смел взглянуть на нее» [Тургенев 1981: 329].

В действии втором «Месяца в деревне» доктор Шпигельский советует Большинцову, сватающемуся за воспитанницу Натальи Петровны — Верочку, которая на 31 год моложе его: «Смотрите же! Не ударьте лицом в грязь» [Тургенев 1979а: 326] (ср. у И. М. Снегирева: «Ударил лицом своим в грязь, хоть и князь» [Снегирев: 259]). В том же диалоге Большинцов, не зная, как начать разговор с Верочкой, просит совета более опытного в обращении «с женским полом» Шпигельского: «Говорят, в этих делах лиха беда начать, так нельзя ли того-с, мне для вступленья в разговор — словечко, что ли, сообщить...» [Тургенев 1979а: 328] (ср. у В. И. Даля: «Лиха беда начало. Лиха беда почин»; «Доброе начало — полдела откачало. Доброе начало — половина дела» [Пословицы: 495]).

В действии третьем Наталья Петровна, влюбленная в Беляева, несколько лицемеря, проявляет напускное беспокойство за судьбу не искусенной в жизни и в любви Верочки. Она говорит Беляеву: «Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить вас. Играть огнем всё-таки опасно...» [Тургенев 1979а: 355] (ср. у В. И. Даля: «Со мной (С ним), как с огнем играть»; «Не шути с огнем, обожжешься. Не топора бойся, а огня» [Пословицы: 670]).

В действии четвертом Шпигельский, разговаривая с компаньонкой Лизаветой Богдановной о Ракитине, который впал в уныние, потерял надежду завоевать расположение Натальи Петровны, насмешливо произносит: «И Ракитин, чай, нос на квинту повесил?», на что Лизавета Богдановна также отвечает, используя известный и часто употребляемый (в том числе и у Тургенева) фразеологизм: «Да, он сегодня тоже как будто не в своей тарелке» [Тургенев 1979а: 360] (в комедии «Где тонко, там и рвется» Горский приводит иной вариант данного фразеологизма: «И точно, да здравствует насмешливость, веселость и злость! Вот я опять в своей тарелке» [Тургенев 1979а: 111]).

В том же диалоге Шпигельский, в обычной своей иронической манере делая предложение Лизавете Богдановне, перефразирует пословицу: «Вы, в девицах будучи, маленько окисли, да ведь это не беда. У хорошего мужа жена что мягкий воск» [Тургенев 1979а: 361] (ср. у В. И. Даля: «У милостивого мужа всегда жена досу́жа» [Пословицы: 369]).

В действии пятом мать Ислаева Анна Семеновна, предупреждая своего сына, что Наталья Петровна может изменить ему с Ракитиным, и видя тщетность своих намеков, произносит поговорку: «Я тебя предупредила, долг исполнила — а теперь — как воды в рот набрала» [Тургенев 1979а: 379] (ср. у В. И. Даля: «Молчит, как стена (как пень, как воды в рот набрал)» [Пословицы: 515]). В той же сцене, продолжая разговор с сыном, Анна Семеновна, понимая, что своими предостережениями она так ничего

и не добилаься, в сердцах употребляет еще одну поговорку: «Ну — молчу, молчу! Да и где мне, старухе? Чай, из ума выжила!» [Тургенев 1979а: 380] (ср. у В. И. Даля: «Из ума выжил. Он ум свой прожил» [Пословицы: 438]).

В том же пятом действии после разговора с Ракитиным Ислаев, убедившись, что все его подозрения безосновательны, припоминает подходящую к ситуации поговорку: «Камень у меня ты снял с сердца...» [Тургенев 1979а: 383] (ср. у В. И. Даля: «Камень от сердца отвалился» [Пословицы: 154]). А в конце пятого действия, все-таки до конца не доверяя Ракитину, Ислаев вспоминает другую поговорку: «Не ожидал, брат. Словно буря в ясный день. Ну, перемелется... мука будет» [Тургенев 1979а: 394–395] (ср. у В. И. Даля: «Не тужи: перемелется — все мука будет» [Пословицы: 153]). И, наконец, в финале пьесы, узнав, что учитель его сына Коли, студент Беляев, проведя только месяц в его поместье, также неожиданно покидает его дом, и до конца не понимая, в чем причина этого неожиданного отъезда, Ислаев в смятении произносит: «Я? Я ничего не понимаю. У меня голова кругом идет» [Тургенев 1979а: 396] (вспомним одну из финальных реплик Маши в комедии «Холостяк»: «У меня голова кругом идет» [Тургенев 1979а: 249]).

Таким образом, в каждом действии комедии «Месяц в деревне» в репликах тех или иных персонажей употребляются к месту народные пословицы и поговорки. И не только пословицы и поговорки, но и народные песни. Так, в действии втором комедии молодая служанка Катя, также влюбленная в Беляева, исполняет довольно большой отрывок песни: «Не огонь горит, не смола кипит, / А кипит-горит ретиво сердце...» [Тургенев 1979а: 311]. И когда Беляев ей подпевает: «А кипит-горит по красной девице...», Катя, *краснея* (авторская ремарка. — С. Д.), замечает: «У нас она не так поется» [Тургенев 1979а: 311]. Но художественные функции народных песен в драматургии Тургенева остаются за рамками нашего исследования. Тем не менее трудно согласиться с суждением Л. В. Черных в указанной выше главе коллективной монографии: «Еще дальше от народного творчества стоят психологические драмы “Холостяк” и “Месяц в деревне”. Видимая связь с народным театром, с фольклором, имевшая место в “Безденежье” и “Завтраке у предводителя”, здесь обрывается» [Черных: 441]. Думается, что представленный в нашей статье материал опровергает эту точку зрения.

В комедии «Провинциалка» (1850) пословица используется только один раз, но зато в один из решающих моментов действия. Дарья Ивановна Ступендьева, мечтающая переехать из уездного города в Петербург и найти там выгодное место для своего мужа — уездного чиновника, готовится к решающему разговору с влиятельным графом Любиным, при помощи которого и надеется реализовать свой план. В то же время, досадуя на себя, что она вынуждена ради этой цели кокетничать с графом («<...>

а он меня знал двенадцать лет тому назад, волочился за мною...»), Дарья Ивановна произносит следующую реплику: «Неужели это я так холодно, так спокойно обдумываю, что мне должно делать? *Нужда всему научит и от многого отучит* (курсив наш. — С. Д.)» [Тургенев 1979а: 412] (ср. варианты этой пословицы в сборнике И. М. Снегирева: «Нужда научит Богу молиться»; «Нужда острит разум»; «Нужда смекает делом» [Снегирев: 200], в сборнике В. И. Даля: «Нужда научит кузнеца сапоги тачать»; «Нужда научит горшки узнавать (*или*: обжигать)» [Пословицы: 93]).

Правда, Аполлон Григорьев был не совсем доволен сценами «объяснения Дарьи Ивановны с графом», хотя и признавал, что они «принадлежат к лучшим местам комедии». В своей рецензии на «Провинциалку» Тургенева (журнал «Москвитянин», 1851, № 5. С. 71) Аполлон Григорьев писал: «Мы должны сказать, что и эти сцены, несмотря на свое достоинство, принадлежат к фальшивому роду. Они как будто написаны на тему: хитрость женщины или что-нибудь другое — одним словом, совершенно однородны с теми *пословицами в действии* (курсив Аполлона Григорьева. — С. Д.), которые так легко пишутся французами» [Цит. по: Тургенев 1979а: 671].

Несколько пословиц и поговорок, а также фрагментов народных песен и быличек мы находим в сцене «Разговор на большой дороге» (1850), посвященной знаменитому московскому актеру П. М. Садовскому. Так, в ответ на реплику своего барина Михрюткина («Ты сердисься на меня?») кучер Ефрем говорит: «Господин, например, гневаться изволит. Так что ж? — *Где гнев, там и милость* (здесь и ниже курсив наш. — С. Д.)» [Тургенев 1979а: 450] (ср. у И. М. Снегирева: «Где гнев, тут и милость» [Снегирев: 77], у В. И. Даля: «У часу гнев, у часу милость» [Пословицы: 129]).

Продолжая беседу с Михрюткиным, Ефрем, всячески показывая, что он не сердится на своего господина за его бесконечные попреки, делает это при помощи пословиц и поговорок: «*За всяким толчком, не токма что за побранкой — не угоняешься*. Вы сами знаете: *быль, что смола, небыль, что вода*» [Тургенев 1979а: 450] (ср. у В. И. Даля: «Не за всяким тычком гонись»; «На каждый час побранки не напасешься»; «Быль — что смола, а небыль — что вода» [Пословицы: 263, 760, 186]).

Когда у Михрюткина заходит с Ефремом разговор о жене своего кучера и барин хвалит ее («Я, с своей стороны, ею доволен. Она скотница хорошая»), Ефрем осторожно отвечает, используя известную пословицу: «Недаром в пословице говорится: не верь коню в поле — а жене в доме» [Тургенев 1979а: 457] (ср. у В. И. Даля варианты этой пословицы, отражающие домостроевское отношение мужа к жене: «Не верь коню в поле (в холе), а жене в воле (в доме)»; «Не верь жене в подворье, а коню в дороге»; «Воля и добрую жену портит» [Пословицы: 373]).

А немного выше, не советуя своему барину производить невыгодный обмен лошадьми при продаже «коренной», Ефрем вспоминает к месту по-

словицу: «Эдак менять нехорошо. Надо без придачи менять — ухо на ухо» [Тургенев 1979а: 446] (ср. у В. И. Даля: «Менять ухо на ухо. Рыло на рыло. Баш на баш» [Пословицы: 535]).

Довольно выразительна и красочна речь не только у кучера, но и у барина. Раздраженный неудачной поездкой в город и недовольный своими слугами, Михрюткин им выговаривает и сетует на судьбу, пересыпая свою речь пословицами и поговорками: «Вы все меня за грош готовы продать — ей-ей! <...> Скоро, скоро, сложу я свою головушку. <...> Уж я себя знаю; знаю я свое счастье; выеденного яйца оно не стоит, мое счастье-то» [Тургенев 1979а: 448, 451] (ср. у В. И. Даля: «Продал душу ни за овсяный блин»; «Наши барыши — одни медные гроши» [Пословицы: 180, 528]; «Сложить голову; — головушку; — буйную головушку» [Пословицы: 287]; «Не стоит ни деньги; ни гроша; ни копейки; ни полушки; ни шелега; не стоит выеденного яйца» [Пословицы: 534]).

Большое место в рассматриваемой пьесе Тургенева занимает сон Ефрема, рассказанный им Михрюткину, о русалке, его былички о других мифологических персонажах русского фольклора: домовом, «марухах». И когда Михрюткин спрашивает его: «Марухи? Это что еще такое?», Ефрем ему со знанием дела и в полной уверенности в их существовании разъясняет: «А вы не знаете? Старые такие, маленькие бабы, по ночам на печках сидят, пряжу прядут, и всё эдак подпрыгивают да шепчут» [Тургенев 1979а: 455].

Не менее колоритно описывает он русалку и домового. Вот как Ефрем передает свой сон о русалке, которая во сне представляется ему в образе собственной жены: «Гляжу я на нее, а у ней глаза так и светятся, зеленые такие, как у кошки, не смейся этак, жена, говорю я ей, — этак смеяться грех. Не смейся, — уважь меня. — Какая, говорит, я тебе жена — я русалка. Вот постой, я тебя съем. Да как разинет рот, — а у ней во рту зубов-то, зубов — как у щуки...» [Тургенев 1979а: 454].

Так же, как и в «марух», Михрюткин не верит и в домовых: «Вот вздор какой! Будто есть домовые?», на что Ефрем рассказывает ему довольно большую быличку о встрече ключницы в предбаннике с домовым: «Что вы думаете? Входит она в предбанник, а в предбаннике-то темно, протягивает руку и вдруг чувствует — кто-то стоит. Она шупает: овчина, да такая густая, прегустая. <...> М и х р ю т к и н. Ну, так мужик какой-нибудь зашел. Е ф р е м. Мужик? А зачем мужик станет тулуп шерстью кверху надевать. Мужик этого не сделает. <...> Говорит, она, старуха-то: с нами крестная сила! Кто это? Ей не отвечают, она опять: да кто ж это такое? А тот-то как забормочет вдруг по-медвежьему <...> М и х р ю т к и н. Так кто ж это, по-твоему был? Е ф р е м. Известно кто: домовый. Он воду любит» [Тургенев 1979а: 454–455].

Такое описание домового вполне согласуется с его обликом, представленным в русском фольклоре. Вот как об этом пишет известный отечественный этнограф Д. К. Зеленин в своей книге «Восточнославянская этнография»: «Севернорусские сказания рисуют домового маленьким, покрытым шерстью человеком, который однажды, при особых обстоятельствах, замерз» [Зеленин: 413]. Тогда понятно, почему в быличке Ефрема домовый не только покрыт шерстью, но и оказался в бане, хотя, как об этом пишет в своей книге Д. К. Зеленин, «<...> само место обитания домового, чаще всего под печкой <...>» [Зеленин: 412].

И заканчивается эта наполненная мотивами и образами русского фольклора пьеса Тургенева тоже очень показательно: исполнением русской народной песни «В темном лесе», которую запекает сам барин — Михрюткин, заметно повеселевший по мере приближения его тарантаса к родному дому: «Эх, ребята, послушайте-ка... Что унывать? Ну-ка: “В темном лесе”. (*Запекает*)» [Тургенев 1979а: 458]. А слуги его дружно подхватывают: «В темном лесе, / В темном лесе — / В темном...» [Тургенев 1979а: 458].

И далее Тургенев со знанием дела и очень верно в этнографическом отношении описывает процесс исполнения персонажами пьесы этой широко известной лирической игровой песни:

«М и х р ю т к и н. Ты высоко забираешь, Ефрем, ты не дьячок, что ты голосом виляешь-то?

Е ф р е м (*откашливаясь*). А вот сейчас лучше пойдет.

М и х р ю т к и н (*тоненьким голоском*).

Да в залесье...

Е ф р е м и С е л и в ё р с т.

Да в залесье...

М и х р ю т к и н (*кашляя*).

Распашу я... распашу я...

Е ф р е м. Эх, вы, миленькие!

Распашу я... Распашу я...

С е л и в ё р с т. Распашу я <...> (*Слышен один высочайший фальцет Ефрема, который поет:*)

И па... шин... нику...

И па... шин... нику...

(*Тарантас въезжает в березовую рощу.*)» [Тургенев 1979а: 458–459].

Показательно, что отдельные художественные детали в передаче автором пьесы исполнения этой народной песни перекликаются с описанием характера исполнения рядчиком «веселой, плясовой песни» «Распашу я, молода-молоденька...» в рассказе Тургенева из «Записок охотника» — «Певцы», написанном, как и сцена «Разговор на большой дороге», в том

же 1850 г. (еще совпадение: действие того и другого произведения происходит в Орловской губернии): «Итак, рядчик запел... *высочайшим фальцетом*. <...> он играл и *вилял* этим голосом... <...> Обалдуй с Моргачом начали вполголоса *подхватывать*, подтягивать, покрикивать: “Лихо!.. *Забирай*, шельмец!..”» [Тургенев 1979в: 219] (нами курсивом выделены те места из рассказа «Певцы», которые слово в слово совпадают со сценой «Разговор на большой дороге»).

Сами же приведенные в указанной сцене отрывки песни «В темном лесе...» очень точно воспроизводят начало этой популярной народной песни, записанной известным фольклористом А. М. Новиковой в 1920-е гг. в Тульской области, т. е. по соседству с Орловской областью:

В темном лесе, в темном лесе,  
В темном лесе, в темном лесе,  
За лесью, за лесью,

Распашу ль я, распашу ль я,  
Распашу ль я, распашу ль я  
Пашенку, пашенку

[Русские народные песни: 269].

И это еще раз свидетельствует о том, что, по-видимому, Тургенев слышал эту песню в живом исполнении.

Несмотря на отрицательное в целом суждение о «Разговоре на большой дороге» рецензента «Библиотеки для чтения» (скорее всего самого издателя журнала О. И. Сенковского), все же в рецензии отмечалось, что «<...> оригинальность его («Разговора...». — С. Д.) состоит в нескольких провинциальных словах и народном рассказе» [Цит. по: Тургенев 1979а: 679].

В последнем драматическом произведении Тургенева — сцене «Вечер в Сорренте» (1852) — словница встречается всего один раз, в реплике одного из ее персонажей — Сергея Платоновича Авакова. Несмотря на то, что ему всего 45 лет, он считает себя довольно старым. Вместе с тем он влюблен в молодую вдову Надежду Павловну Елецкую, которая хотя и кокетничает с ним, но до поры до времени держит его на расстоянии. Сюжетная коллизия этой одноактной комедии напоминает пьесу «Месяц в деревне», что отметил Л. П. Гроссман в своей книге «Театр Тургенева» (Пг., 1924): «Даже некоторые имена действующих лиц напоминают написанную за два года перед тем большую драму: Надежда Павловна здесь соответствует Наталье Петровне, Бельский — Беляеву» [Цит. по: Тургенев 1979а: 684].

Так вот, в самом начале пьесы саратовский помещик Аваков, скупающий по своему поместью, но вынужденный, уступая прихотям На-

дежды Павловны, колесить вместе с ней по всей Европе, наедине с самим собой произносит с досадой: «Устал я, признаться сказать, устал таскаться по трактирам... старые кости мыкать. Ведь третий год... Вот уж точно можно сказать, *седина в голову, а бес в ребро*... (курсив наш. — С. Д.)» [Тургенев 1979а: 463] (ср. у В. И. Даля: «Седина в голову (*или*: в бороду), а бес в ребро»; «Старого черта да подпер бес. На седину бес падок» [Пословицы: 355]).

**Выводы.** Из всего проанализированного материала можно сделать вывод, что пословицы и поговорки (реже — песни и былички) являются элементами стиля драматургии Тургенева. Принципы использования фольклора в различных пьесах Тургенева не одинаковы. Иногда пословицы и поговорки привлекаются для характеристики ситуации, воссоздания местного колорита, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его речи. Порой автор пьес стремится расцветить реплики персонажей, обильно используя малые жанры фольклора, а иногда народные песни и былички. В некоторых комедиях пословицы и поговорки оттеняют и усиливают основную мысль произведения, естественно и ненавязчиво вплетаются в речь персонажей.

В своей драматургии Тургенев по-своему трансформирует, а иногда и переосмысливает традиционные фольклорные образы и мотивы, часто перефразирует народные пословицы и поговорки в соответствии с идейным замыслом произведения и его поэтикой. Тургенев выбирает из сокровищницы народной речи слова и выражения, фразеологические обороты, богатые смысловыми оттенками, фольклорные сравнения, которые придают репликам персонажей особую меткость, красочность и выразительность. Творческое освоение и использование разных жанров русского фольклора в пьесах Тургенева свидетельствует о прекрасном знании их автором традиций устного народного творчества и, возможно, фольклорных сборников своего и предшествующего времени, что в еще большей степени проявилось в «Записках охотника».

## Литература

Азадовский М. К. «Певцы» И. С. Тургенева // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 395—437.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова; послесловие К. В. Чистова. Москва: Наука, 1991. 511 с.

Ильина В. В. Принципы фольклоризма в поэтике И. С. Тургенева: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2001. 181 с.



*Лотман Л. М.* Драматургия И. С. Тургенева и натуральная школа 1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Ленинград: Наука, 1982. С. 474—513.

*Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. Москва: ТЕРРА, 1994. 792 с.

Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 991 с.

*Прийма Ф. Я.* И. С. Тургенев («Записки охотника») // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Ленинград: Наука, 1976. С. 366—383.

*Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8: Романы и повести. Путешествия. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1948. 495 с.

Русские народные песни / Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 736 с.

*Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / Издание подготовил Е. А. Костюхин. Москва: Индрик, 1999. 624 с.

*Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 2: Сцены и комедии. 1843—1852. Москва: Наука, 1979. 706 с.

*Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 3: Записки охотника. 1847—1874. Москва: Наука, 1979. 528 с.

*Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 6: Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 1858—1860. Москва: Наука, 1981. 496 с.

*Черных Л. В.* Роль фольклора в развитии русской драмы // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Ленинград: Наука, 1976. С. 407—446.

## References

*Azadovskij M. K.* “Pevcy” I. S. Turgeneva // Azadovskij M. K. Stat’i o literature i fol’klore. Moskva — Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoj literatury, 1960. S. 395—437.

*Zelenin D. K.* Vostochnoslavyanskaya etnografiya / Per. s nem. K. D. Civi-noj; primech. T. A. Bernshtam, T. V. Stanyukovich i K. V. Chistova; posleslovie K. V. Chistova. Moskva: Nauka, 1991. 511 s.

*I’ina V. V.* Principy fol’klorizma v poetike I. S. Turgeneva: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Ivanovo, 2001. 181 s.

*Lotman L. M.* Dramaturgiya I. S. Turgeneva i natural'naya shkola 1840-kh godov // Istoriya russkoj dramaturgii: XVII — pervaya polovina XIX veka. Leningrad: Nauka, 1982. S. 474–513.

*Mikhel'son M. I.* Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanij: V 2 t. T. 1. Moskva: TERRA, 1994. 792 s.

Poslovicy russkogo naroda. Sbornik V. I. Dalya. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1957. 991 s.

*Prijma F. Ya.* I. S. Turgenev ("Zapiski okhotnika") // Russkaya literatura i fol'klor (pervaya polovina XIX v.). Leningrad: Nauka, 1976. S. 366–383.

*Pushkin A. S.* Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. T. 8: Romany i povesti. Puteshestviya. [B. m.]: Izd-vo AN SSSR, 1948. 495 s.

Russkie narodnye pesni / Vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie i primechaniya A. M. Novikovej. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1957. 736 s.

*Snegiryov I. M.* Russkie narodnye poslovicy i pritchi / Izdanie podgotovil E. A. Kostyukhin. Moskva: Indrik, 1999. 624 s.

*Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 2: Sceny i komedii. 1843–1852. Moskva: Nauka, 1979. 706 s.

*Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 3: Zapiski okhotnika. 1847–1874. Moskva: Nauka, 1979. 528 s.

*Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t. T. 6: Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Pervaya lyubov'. 1858–1860. Moskva: Nauka, 1981. 496 s.

*Chernykh L. V.* Rol' fol'klora v razvitii russkoj dramy // Russkaya literatura i fol'klor (pervaya polovina XIX v.). Leningrad: Nauka, 1976. S. 407–446.

**Сведения об авторе:** Сейран Акопович Джанумов; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук; ORCID 0000-0003-0847-5484; djanumovSA@mail.ru; сфера научных интересов: история русской литературы XVIII–XIX вв., фольклористика, литературно-фольклорные связи.

**The author's profile:** Seyran Akopovich Dzhanumov; Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor at the Department.